

Глава 10

Литература для народа. Эстетические деньги

1

28 марта 1862 года в письме И. А. Гольшеву, крестьянину Владимирской губернии, занимавшемуся распространением икон и лубочных книжек через офеней, Некрасов пишет:

Посылаю Вам 1500 экземпляров моих стихотворений, назначаемых для народа. На обороте каждой книжечки выставлена цена — 3 копейки за экземпляр, — потому я желал бы, чтобы книжки не продавались дороже: чтобы из 3-х копеек одна поступала в Вашу пользу и две в пользу офеней (продавцов) — таким образом, и книжка выйдет в три копейки, не дороже. После Пасхи я пришлю к Вам еще другие, о которых мы тогда и поговорим (14, 2, 172).

Речь здесь идет об издании поэмы «Коробейники» в задуманной Некрасовым серии «красных книжек», предназначенных для народа. Поэма была написана летом 1861 года и впервые опубликована в № 10 «Современника» за этот же год. В 1862 году Некрасов издал за свой счет быстро разошедшуюся брошюру под названием «Красные книжки. Книга первая. Коробейники. Сочинил и издал Некрасов» (СПб., 1862)¹.

Странность условий, заключенных поэтом с книгопродавцем, бросается в глаза: в соответствии с ними, треть дохода от книги получал Гольшев, две трети — офени, самому автору и издателю не доставалось ничего. Какой коммерческий смысл имело это издание? На первый взгляд, некрасовский проект производит впечатление благотворительного или/и пропагандистского. Если это так, то ответ на вопрос о смысле договора с книготорговцем прост: Некрасов на самом деле в скрытом виде платит офеням и Гольшеву за распространение книжек. Раздавать же книги крестьянам бесплатно он не хочет, потому что боится опасных ассоциаций с прокламациями². Именно в таком духе описывали это издательское предприятие Некрасова советские исследователи³.

¹ Серия была остановлена и запрещена после второй книжки, в которую вошел ряд некрасовских стихотворений.

² Как хорошо известно, начало 60-х годов XIX века в русской литературе — время, отмеченное расцветом жанра прокламации.

³ Например, см.: *Скатов Н. Н.* Некрасов. М., 1994. С. 295; *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Некрасова. Т. 3. М., 1952. С. 201–202; *Жданов В. В.* Некрасов. М., 1971. С. 351–352.

Ясно, что и то и другое (благотворительность и пропаганда) в замысле Некрасова присутствуют, однако, на наш взгляд, не исчерпывают смысл и цели его проекта. Дело в том, что коммерческий характер издание все равно имеет: все-таки деньги офени получать должны не с самого Некрасова, а с крестьян. Если не за производство продукта, то за его распространение должны заплатить деньги потенциальные читатели. Другое дело, что коммерция здесь странная, можно даже сказать, парадоксальная. Замысел Некрасова, стоящий за этим парадоксальным проектом, мы и попытаемся реконструировать в заключительной главе нашей работы.

2

Издавая свои «красные книжки», Некрасов выходит, точнее, возвращается на рынок народных (или «лубочных») книжек, в котором он уже принимал участие в самый ранний период, когда писал сказки «Баба Яга, Костяная нога» и «Сказка о царевне Ясносвете» (обе 1842 год) для книгопродавца В.П. Полякова. О том, что представлял собой этот рынок к середине 60-х годов 19-го века, много сказано в книгах J. Brooks⁴ и А. Рейтблата⁵. Не повторяя эти и другие исследования⁶, к которым отсылаем читателей за более подробной информацией, только напомним об общем характере этого сегмента книжного рынка, выделив в нем те черты, понимание которых важно для уяснения сути некрасовского проекта.

Несомненно, что в коммерческом отношении этот рынок был в данный момент одним из самых выгодных. О точных тиражах лубочных книг в это время сведений нет, но о его огромной емкости уже в 60-е годы XIX века можно судить по тому, что в 80-х годах ежегодно расходилось до 25 миллионов книжек для народа. Вероятно, в 60-е годы речь должна идти как минимум о десятках тысяч экземпляров — тиражах, о которых не могли даже мечтать издатели литературных журналов или «серьезных» книг. Причины, по которым этот рынок сильно вырос именно в начале 60-х годов, также уже назывались упомянутыми нами исследователями: отмена крепостного права, рост грамотности, увеличение городского населения и т. д. Лубоч-

⁴ Brooks J. When Russia Learned to Read. Princeton, 1985.

⁵ Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991.

⁶ Особенно см.: Блюм А. В. Русская лубочная книга второй половины XIX века // Книга. Исследования и материалы. М., 1981.

ная коммерция характеризовалась дешевизной, низким качеством и прямой ориентированностью на читателя, отсутствием, как выражается А. Рейтблат, «идейного издателя»⁷, то есть такого издателя, который соединял бы коммерческий интерес с просветительскими задачами развития в народе образования, вкуса, нравственности. Сложилась и среда, специализировавшаяся на издании народных книжек. Состав лубочной литературы был крайне разношерстным: пересказы фольклорных песен, адаптированная (очень сильно сокращенная и упрощенная) классическая литература (обычно исторического или приключенческого жанра), специально написанные для лубочных изданий тексты (рыцарские, приключенческие и тому подобные романы вроде знаменитых «Ваньки Каина» или «Английского милорда»), книги советов и рекомендаций типа «Учитель молодых людей изысканным манерам, грациозным движениям, элегантному обращению, светской вежливости и изящному вкусу, придворному этикету и наружному блеску, составляющим главную принадлежность каждого образованного человека в среде аристократического общества» и тому подобное⁸.

Таким образом, этот рынок изначально носит спекулятивный характер, и мы помним, что спекуляциям на нем сам Некрасов отдал дань в молодости, работая на издателя Полякова. Самые разные критики 60-х годов говорят о заведомо «промышленном» характере издания книг для народа. «Реалисты» из «Русского слова», например, не видели в этом ничего дурного. Так, в статье Писарева «Народные книжки» (впервые опубликована в «Русском слове» № 3. (отд. II) за 1861 год,) читаем: «Вероятно, многие из книг, поименованных в заглавии моей статьи, написаны с добросовестным желанием принести пользу; вероятно также, что некоторые из них составлены с промышленною целью; но и это не беда. Составить предмет спекуляции может только такое предприятие, которого необходимость вошла в общественное сознание. Разумеется, книга, написанная для народа только ради торгового сбыта, не делает чести нравственному чувству ее составителя, но самое существование подобной спекуляции — факт отрадней, потому что он указывает на большой запрос или, по крайней мере, на возможность подобного запроса в ближайшем будущем»⁹. Можно сказать, что именно этот сектор литературного рынка становится максимально близок рынку традиционному, воплощая суть капиталистического мира — погоню за на-

⁷ Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту. С. 153.

⁸ Блюм А. В. Русская лубочная книга второй половины XIX века.

⁹ Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т. 2. М., 2000. С. 213.

живой. Некрасов, однако, судя по цитированному письму к Голышеву, не стремится к обогащению. Как мы попытаемся показать, он хочет использовать те особенности этого рынка, которые делают его удобным полем для эксперимента с принципами материальной и эстетической оценки литературного произведения.

На рынке лубочной литературы оказываются не действенными важнейшие факторы, формирующие стоимость продукта на рынке литературы «серьезной». Во-первых, этот рынок характеризуется анонимностью¹⁰. По самым разным причинам (от коммерческих, связанных с авторскими правами, заставлявшими сочинителей пересказов или адаптаций известных произведений умалчивать и об их оригинальных авторах, и о собственном скромном участии в деле, до причин, связанных с самой технологией производства такой литературы) сочинители таких книжек остаются по большей части неизвестными¹¹. Это рынок, где важную роль играет не имя автора, а название книжки и то «удовлетворение» (выражаясь языком неоклассической экономики), которое получает от нее читатель. Иначе говоря, в случае лубочной литературы писательское имя не является капиталом и не играет роли в стоимости и оценке продукта. Во-вторых, поскольку этот рынок прямо ориентирован на читателя, на его собственный вкус, каким бы он ни был, на нем нет посредников в виде экспертов, критиков, других культурных институтов, которые определяли бы относительную стоимость и ценность разных книг. Это почти идеальный рынок, на котором роль единственного критерия успеха предпринимателя (или писателя) играют деньги, вырученные за товар, полученная им прибыль. Деньги же являются и единственным критерием читательской оценки книги. Таким образом, роль эстетического мерила принимает на себя вещь, казалось бы, наименее пригодная для того, чтобы служить в этом качестве. Есть, однако, еще одна черта этого рынка, которая позволяет надеяться, что деньги здесь могут стать полноценным инструментом эстетической оценки. Фактор, делающий это возможным, — специфика покупателя литературы, крестьянства. И эта специфика заключается в данном

¹⁰ Некрасовская поделка «Баба Яга, Костяная нога» также была издана анонимно.

¹¹ Интересно, что в библиотеке самого Некрасова была книга «Беранже в переводах русских авторов. С прибавлением стихотворений Некрасова, Кольцова и других» (М., 1868). В этом издании в оглавлении Некрасов не указан, а его стихотворения «Перед дождем», «На родине», «Буря», «Тройка», «Свадьба» «по ошибке перечислены под фамилией фон Мендгейма» (Литературное наследство. Т. 53–54. Н. А. Некрасов. III. М., 1949. С. 369).

случае не только в особенностях (предположительной «примитивности») вкусов этой аудитории, но и в своеобразии экономических отношений, характерных, с точки зрения Некрасова, для крестьян. В их еще в большой степени патриархальном мире деньги являются чем-то отличным от денег капиталистических. Для того, чтобы описать специфику крестьянской экономики, мы не будем прибегать к историко-экономическому материалу, отчасти чтобы не перегружать работу такой информацией, отчасти потому, что собственные произведения Некрасова достаточно ее характеризуют.

Прежде всего, у крестьян в некрасовских произведениях обычно мало денег. Наиболее распространенные монеты, которыми они располагают, это гроши, копейки, пятаки, гривенники. Приведем соответствующие примеры:

Гроши:

Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках (4, 60).

Копейки:

Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!.. (5, 16)

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейки, по грошику медному
Мы сколотили трудом!.. (4, 100)

Пятаки:

Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки! (4, 59)

Есть румяна нелиночие —
Молодись за пяточок! (4, 59)
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака! (5, 25)

Гривенники:

Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок... (4, 59)

Живи с одних крестьян,
Собирай мирские гривенки... (5, 24)

«Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай!»—
Сказал ему купец (5, 32).

При этом отдать **двугривенный** означает для крестьянина остаться «ни с чем»:

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных,
Так сам ни с чем останешься (5, 33).

Большие деньги в представлении некрасовских крестьян начинаются с **полтинника:**

Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Клубок плевков, да дело в том, —
Полтинник был замотан в нем... (5, 40)

«А мы полтинник писарю:
Прошенье изготовили
К начальнику губернии...» (5, 38)

или рубля:

Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем! (5, 33)

За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... (2, 49)

Зарабатывать иногда пять рублей серебром в день вполне достаточно для того, чтобы претендовать на исключительное счастье:

— А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром! (5, 51)

Наконец, самая большая сумма, доступная крестьянам, — это 35 рублей, которые накопил за всю жизнь Яким Нагой:

Пришла немилость божия,
Деревня загорелася —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять (5, 46).

Мы не ставим перед собой задачу набрать исчерпывающее количество примеров, мы только иллюстрируем представление, в общем складывающееся у любого читателя Некрасова. Таким образом, и те три копейки, которые крестьянин должен заплатить за «красную книжку», с одной стороны, конечно, не являются обременительными, но, с другой — совсем незначущими их назвать тоже нельзя. Кстати, в некрасовских произведениях о народе есть и указания на цены книжек для крестьян. Их стоимость там от пяти копеек —

Книг нам не надо — неси их к жандару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тышу рублей! (3, 138) —

до гривенника:

Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —
Деткам наука! (3, 97)

И в реальности лубочная книжка могла стоить приблизительно столько. Некрасовская цена, видимо, чуть меньше, чем та, которую офени обычно спрашивали за книжки, но не намного.

Малое количество денег — не просто признак бедности. Мужики так трудно расстаются с монетками в гривенник или пятак прежде всего потому, что их деньги — это практически никогда не *leisure-money* (как у героев «Балета», живущих на ренту с земли, у которых все деньги «шальные», не заработанные), это всегда трудовые деньги. У крестьянства мало именно «свободных» денег, их количество мизерно, они часто припрятаны (полтинники в мотке, гривенники и т. д.). Иначе говоря, довольство крестьянина не определяется наличием у него денег. Его довольство определяется землей, количеством рабочих рук и их здоровьем и силой, урожайностью земли и т. д. В народной экономике, как она представляется в некрасовской поэзии, деньги играют вспомогательную роль. До реформы важную роль деньги и вообще золото играют в качестве инструмента, с помощью которого можно выйти на волю. В стихотворении «Извозчик» (1855):

«Вишь, ты больно тороплива», —
И за ручку взял...
Рассердилась: «Не позволю!
Полно — не замай!
Прежде выкупись на волю,

¹² В замечательной статье Ю. Н. Тынянова об «Извозчике» (см.: Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977) говорится о некрасовской зоркости к реалистическим деталям, проявившейся в этом стихотворении. Стоит обратить внимание на то, что та деталь, на которую эта зоркость обращена, — именно деньги.

Да потом хватай!»
Поглядел за нею Ваня,
Головой тряхнул:
«Не про нас ты, — молвил, — Таня», —
И рукой махнул... (1, 149)¹²

Об этом же своеобразный экономический эпизод в поэме «Несчастные» (1856). В песне, сочиненной Кротом, говорится о золоте, которое добывают каторжники, как о средстве для царя выкупить крестьян на волю:

1.
Дружней! работа есть лопатам,
Недаром нас сюда веди,
Недаром бог насытил златом
Утробу матери-земли.

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь! (4, 45)

2.
У ней, родимой, требы многи:
Бедна по милости воров!
В ней пышны барские чертоги,
Но жалки избы мужиков.

Недостает у ней дохода
В неурожай кормить крестьян,
И нечем выкупить народа
Царю у палачей-дворян!.. (4, 46)

С объявлением же свободы и такая потребность должна исчезнуть.

Деньги — это только средство для уплаты податей, приобретения необходимого инвентаря, вознаграждения священника за требы, покупки подарка внучке и т. д. Деньги не являются в крестьянском мире предметом накопления, не представляют собой товар. И это составляет резкий контраст с ролью денег в жизни высших слоев общества, как она изображается

в произведениях Некрасова. Желание денег как таковых в крестьянском мире связано только с предательством, воровством или прямо грабежом и убийством (староста Глеб в «Кому на Руси жить хорошо», лесник в «Коробейниках» и др.). В крестьянской экономике, какой она представлена в некрасовской поэзии, деньги как будто бы обретают ту функцию, о которой мечтал Прудон, — быть не товаром, приносящим доход, но только средством выражения стоимости товара или труда¹³. В этом случае уплата денег за товар становится равна как бы отдаче самого труда, с помощью которого эти деньги достались (ср.: «Случись, работой, хлебушком, / Ему бы помогли, / А вынуть два двугривенных, / Так сам ни с чем останешься...»). Это придает деньгам особую весомость, лишает их абстрактной, бездушной нейтральности. Деньги так становятся инструментом оценки реальной стоимости вещи, средством выражения отношения к ней покупателя.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо», в знаменитом эпизоде с Ермилом Гириным, просящим у народа в долг на покупку мельницы, деньги становятся мерилем достоинства этого человека и одновременно выражением степени народного доверия и любви к герою-заступнику. Он обращается к миру именно с просьбой оценить его честность и выразить ему свое доверие:

Ну, братцы! видит бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!.. (5, 59)

И «крестьянство» выражает свое доверие с помощью денег. Деньги теряют свою одинаковость. Они отличаются не только количеством, но и тем, сколь дорого они достались, какого труда стоили тому, кто их дает. Трансцендируя свою абстрактную и бесчеловечную природу, деньги становятся чистым выражением любви и благодарности за «заступничество» за народ, которым и славен Ермил. При этом они остаются деньгами, имеющими покупательную стоимость. Все-таки вместе они должны составить ту сумму, за которую можно приобрести мельницу:

¹³ См. об этом главу 5 настоящей книги.

Крестьянство раскошело, несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.

<...>

Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал — не брезговал
И медным пятак.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей! (5, 60)

Ситуация как будто иллюстрирует прудоновский беспроцентный кредит. Крестьяне дают займы Ермилу на конкретное дело, конкретное приобретение, без процентов его кредитуют. Важно при этом, что Ермил покупает мельницу не для наживы, но для того, чтобы помочь крестьянам. Деньги, которые ему дают, не являются средством получения дополнительной прибыли. Таким образом, деньги приобретают еще и дополнительную «чистоту», качество идеального означающего. Они переходят от крестьян к Ермилу и обратно как знаки, точно показывающие степень оценки благодаря их трудовой стоимости, при этом не теряющие своей покупательной способности, придающей знаку дополнительную весомость. Такие деньги получают возможность стать полноценным средством «эстетической» оценки¹⁴.

Именно по такой модели, как кажется, и хочет построить свой парадоксальный коммерческий проект Некрасов, вписывая его в крестьянскую экономику. С одной стороны, он заявляет об отсутствии у него желания обогатиться, отказывается от прибыли, то есть отнимает у денег, которые будут выручены от продажи книги, и у своего товара, книги, — значение средства обогащения, наживы. Книга становится эстетическим продуктом (в котором выражена кантовская «незаинтересованность»). Благодаря свойствам рынка, у автора в этом случае не может быть и задачи создать себе капитал в виде литературного имени:

¹⁴ Эстетику мы понимаем в самом широком смысле — эстетический объект как объект, наслаждение которым не основано на прямой пользе, практическом применении.

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу (4, 57).

(Стоит сопоставить эти строки с фрагментом из стихотворения «Поэт и гражданин», в которой описывается стратегия поэта на «обычном» литературном рынке:

Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем —
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта! (2, 10))

С другой стороны, крестьянин должен заплатить деньги (небольшие, но и не лишние), в которые вложен его труд. Тем самым он выражает свое доверие продавцу, свою подлинную оценку товара, который ему предлагается, — «красной книжки», поэмы «Коробейники». При этом одновременно цена товара не чрезмерна, не требует большой жертвы. Она позволяет сохранить в ситуации купли-продажи элемент свободной игры обмена знаками. Так, в идеале деньги могут стать инструментом оценки качества книги, материальным, весомым выражением эстетической оценки.

Для прояснения наших утверждений приведем аналогии, первой из которых будет эпизод из «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова. Александр Адуев, встретив старого, давно не виденного им друга, разочарован холодностью встречи и «пошлостью» его чувств и времяпрепровождения. В частности, эта пошлость выразилась в предложении другом материальной помощи, попросту денег: «Тут он вдруг будто ожил и засыпал меня вопросами: “Что с тобой? да не нуждаешься ли в чем? да не могу ли я быть тебе полезным по службе?..” и т. п. Я покачал головой и сказал ему, что я хотел говорить с ним не о службе, не о материальных выгодах, а о том, что ближе к сердцу: о золотых днях детства, об играх, о проказах... Он, представьте! даже не дал мне договорить»¹⁵. Предложение денег унижительно, предает,

¹⁵ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. М., 1952. С. 154.

с точки зрения идеалиста, святое чувство дружбы, подобно тому, как оплата унижает высокое искусство (об этом мы говорили в главе 4). Позиция Петра Ивановича Адуева иная. С его точки зрения, предложение денег взаимы как раз и свидетельствует о силе и подлинности чувства, которое испытывает «коварный» бывший друг, как он говорит с иронией: «Не выдавшись несколько лет, другой бы при встрече отвернулся от тебя, а он пригласил тебя к себе, и когда ты пришел с кислой миной, он с участием расспрашивал, не нужно ли тебе чего, стал предлагать тебе услуги, помощь, и я уверен, что дал бы и денег — да! а в наш век об этот пробный камень споткнется не одно чувство... нет, ты познакомь меня с ним: он, я вижу, человек порядочный... а по-твоему, коварный»¹⁶. Именно такова позиция и Некрасова — деньги придают чувствам весомость, подлинность, их заем или дарение служит современной заменой высокой жертвы. Аналогичным образом готовность заплатить деньги за книгу придает весомость и ее эстетической оценке, выражаемой читателем.

Другой аналог мы встретили в современной экономической теории. Экономист и культуролог Александр Долгин в книге «Прагматика культуры» (М., 2002) предложил новую модель оплаты культурных продуктов любого типа (от книг до кинофильмов). В самом упрощенном виде она выглядит таким образом: потребитель культурного продукта (например, фильма или книги) платит за него не заранее определенную сумму денег, но то количество денег, которого, как он считает, заслуживает то удовольствие, которое доставило ему потребление. При этом предполагается, что в основе оценки будет затраченное время на просмотр кинофильма, чтение книги и расчет полезности этого времени по определенной шкале. Таким образом, деньги станут выразителем эстетической оценки. Автор этого проекта осуществил даже эксперимент, направленный на проверку своей теории, проведя киносеанс, где зрители платили не фиксированную сумму в начале, а ту, которую каждый из них счел справедливой, в конце¹⁷. Как нам кажется, чего-то подобного (хотя и несколько по-другому, устанавливая твердую цену, но делая средством исчисления «эстетических баллов» количество проданных экземпляров) стремится достичь и Некрасов. По большому счету, аналогом долгинского проекта, конечно, является выступление уличного музыканта, играю-

¹⁶ Гончаров И. А. Собр. соч. Т.1. С. 165.

¹⁷ О предпосылках эксперимента см.: <http://cinema.artpragmatica.ru/results/2/>.
Подробный отчет об эксперименте в статье: *Мень Е.* Еще раз об умной толпе // Критическая масса. 2003. № 3.

щего перед шляпой, в которую зрители бросают монетки, исходя в определении даваемой суммы из своих представлений о ценности того, что они слушают, о количестве удовольствия, полученного ими от исполнения. Это и есть ситуация идеального культурного рынка без посредников, эстетических арбитров и критиков, на котором формируется шкала оценок, непротиворечиво соединяющая эстетику и экономику.

Такая система оценок, конечно, переопределяет само понятие эстетической ценности. Мерилом ее должно служить здесь то удовольствие или та польза, которые получает от книги крестьянин. И этот рынок, тем не менее, не исключает возможности обмана, шанса, что крестьянин купит не ту книжку, которая ему по-настоящему полезна. За что должны дать деньги мужики, чем можно им «угодить»? Ясно, что, как и на рынке литературы для образованных сословий, настоящей литературе приходится конкурировать с словесностью спекулирующей. Таких торговцев-спекулянтов мы видим в «Кому на Руси жить хорошо»:

Купец — со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки — первый вор!) —
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»...

Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретники
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего! (5, 34–35)

Народ можно обмануть, как и образованного читателя, впрочем. Однако с народом проще определить и достоинство книги, за что ему стоит платить свои тяжелым трудом достаемые деньги. Очевидно, что главным качеством литературы должно стать то же качество, которое позволяет Ермилу Гирину претендовать на народное доверие и народные

деньги: готовность вступить за крестьянство, готовность помогать народу. Поэтому в поэме создается образ настоящего литератора как народного заступника, какими были Белинский и Гоголь, отсюда и имена писателей, созданные не издателями и критиками, но их делом народных заступников:

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать... (5, 35)

Потому же так легко соединяет в себе черты народного заступника и поэта Григорий Добросклонов:

Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастья народного!.. (5, 235)

Так народ оказывается важен не только Некрасову-поэту, позволяет ему разрешить не только творческие проблемы, обрести новые язык и содержание¹⁸ поэзии. Он дает надежду и на гармоничное, справедливое решение проблем литературного рынка, поэтому крестьянская экономика привлекает и Некрасова-издателя. Это рынок, где противоречие между материальным успехом книги и ее литературным качеством снимается. Поэт и Предприниматель могут здесь без «противоречий» слиться в одном человеке. Материальный успех культурного продукта может стать не признаком спекуляции, лежащей в основе замысла его изготовления, но знаком признания, выражаемого писателю, народному заступнику, знаком народной любви и доверия.

¹⁸ Мы совершенно согласны с знаменитыми утверждениями К. И. Чуковского: «Народ был главным мифом его лирики, величайшею его галлюцинацией. <...> Нужно же было ему найти какой-нибудь объект для лирических молитв и плачей. История подсказала ему, что этим объектом может быть только народ» (Чуковский К. И. Кнотом иссеченная муза // Чуковский К. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990, С. 124).